

как советские войска к тому времени уже угрожали жизненно важным центрам Донской области.

Лишь «добровольцы», да отдельные партизанские отряды были полны решимости, продолжить борьбу. И, несмотря на их малочисленность, никто не взялся бы предугадать, чем всё закончится.

4.3. Налёт Чернецова на Дебальцево. Наступление Саблина

Когда мы говорим о советском военном руководстве, как-то забывается, что это были люди решительные, инициативные, целеустремлённые, но в военном отношении недостаточно подготовленные. Захватив Великую войну прапорщиками, они были на взводах, в лучшем случае, на ротах. И соответственно оперативным искусством овладеть в должной мере не успели²⁸⁴. К тому же в силу партийной принадлежности, больше занимались на фронте работой разрушительной, нежели организационной.

В Донбассе, как и в других местах, всё это проявлялось то и дело тут и там. Несогласованность действий отдельных командиров, их пренебрежение принципом взаимодействия на начальном этапе было едва ли не правилом «хорошего тона». В известные моменты, по сути, отсутствовали разграничительные линии и не определены с достаточной конкретикой зоны действия отдельных отрядов, как таковые. А в результате части разных «командующих» то перемешивались друг с другом на крохотных полустанках, то рассыпались веером по расходящимся направлениям, будто влекомые непреодолимыми центробежными силами.

Так случилось и с Дебальцево. Которое в конце декабря оказалось едва ли не в глубоком тылу, и в то же время с востока было

²⁸⁴ Следует, конечно, признать, что и Антонов-Овсенко, и Сиверс, и Саблин схватывали всё на лету, и уроки оперативного мастерства, преподанные противником, не проходили для них даром. Однако учились они исключительно на своих ошибках, и ошибки эти иногда обходились дорого.

неприкрыто совершенно. Саблин, которому Дебальцево было отведено с самого начала, нацелен был на Миллерово, тяготел к Луганску. Подходил он с севера по железнодорожной ветке Белгород – Луганск, и уже от Луганска выделил часть сил для занятия Родаково. Дебальцево, как место базирования, или пункт дальнейшего продвижения не интересовало его никоим образом. От Луганска, где располагался штаб его отряда, находилось на удалении до 70 километров. *Но в противоположной от его устремлений стороне!*

Ю.В. Саблин

От Никитовки, в которой находился штаб Сиверса, до Дебальцево было куда ближе, километров 30. Но и Сиверса Дебальцево не интересовало. Он продвигался на юг от Горловки по двум расходящимся веткам, на Ясиноватую и на Криничную. *К тому же предписания занять станцию он не получал.*

В итоге на 27 декабря в Дебальцево располагался гарнизон незначительный по численности отряд красновардейцев Саблина во главе с командиром Коняевым. Железнодорожная ветка Дебальцево – Звереве советскими войсками не контролировалась. Не были заняты даже ближайшие станции, лишь у семафора выставлялись часовые. В то же время, железнодорожное сообщение не прекращалось. Большевики не прикрыли его, так как дорога обслуживала рабочие рудничные районы. Каледин и вообще старался сохранять по возможности сообщение Дона с остальной Россией.

А на станции Щетово располагался своеобразным форпостом отряд Чернецова. Знали об этом в Харькове, нет ли, но ни должной разведки, ни дополнительных мер предосторожности предпринято не было. Что касается Чернецова, то идея рейда лежала на поверхности. На узловую станцию Колпаково была

выставлена сторожевая застава, осуществлявшая наблюдение, как в западном, так и в северо-восточном направлении. До Дебальцево от Колпаково было подать рукой, даже ближе, чем Саблину от Луганска. Маршрут известен, как и сама станция. Разведку, используя свободное пассажирское сообщение, произвести было несложно. В конце концов, кто-то из отряда мог *просто прозвонить* по станциям и выяснить обстановку.

Была и ещё одна причина, заставившая Чернецова проявить активность. Отряд начал тяготиться бездельем. Погнавшимся за романтикой вчерашним гимназистам однообразие повседневной сторожевой службы на затерянной в зимней степи станции начинало надоедать. Они сами просили Чернецова направить отряд «в дело» и были рады любому разнообразию. Обстановку, создавшуюся в отряде, характеризует следующий эпизод. На Рождество со станции Колпаково неизвестно чем напуганные телефонисты сообщили, что большевики наступают, станция взята, судьба заставы плачевна. Отряд тут же начал грузиться в эшелоны и выдвинулся навстречу «противнику». Не доезжая Колпаково, выгрузились, развернулись в цепь. Была метель, снег бил в глаза, сугробы намело по колено. Но настроение было приподнятое. Партизаны, несмотря даже на предполагаемую гибель товарищей, откровенно и шумно радовались, что идут, наконец, в бой. Они ещё не устали от войны, как три года тянувшие её, да так и не вытянувшие пехотные дивизии и казачьи сотни.

Дело кончилось пришедшим сообщением от командира заставы, который докладывал, что тревога оказалась ложной, большевиков на станции не было, и нет. Цепь свернулась, погрузилась в эшелон, и отряд, взбудораженный и довольный, вернулся к месту расположения.

Возможно именно это происшествие вместе с выявленной беспечностью красногвардейцев, и способствовало возникновению идеи налёта на Дебальцево. Чернецов не стал откладывать дело в долгий ящик. План сразу же начал воплощаться в жизнь²⁸⁵.

²⁸⁵ Бой за Дебальцево описан в статье В. Хмурого «Дебальцево» – первый бой чернецовцев», опубликованной в газете «Донская волна» №32, 1919 г.

26 декабря к Дебальцево скрытно были направлены конные разведчики. На следующий день к Щетово со станции Ровеньки прибыли для усиления отряда две сотни 10-го, одна сотня 58-го казачьих полков, взвод 12-й казачьей батареи и пулемётная команда 10-го полка. Из Новочеркасска подошла 1-я Донская добровольческая дружина в 70 штыков. Всего с казаками набралось до 600 человек при двух орудиях.

Вечером отбыли со станции Щетово в двух эшелонах. Причём составы шли по расписанию и под видом пассажирских поездов «3» и «3bis». Двигались от станции до станции, со всеми формальностями настоящих пассажирских маршрутов: остановками, отправками и пропусками. Всё выглядело настолько натурально, что в станционных кассах не прекращалась продажа билетов. Пассажиров с собой, конечно же, не брали и никого в вагоны не пускали. На станциях в аппаратных выставлялись по ходу движения караулы, готовые пресечь любую попытку сообщить в Дебальцево о надвигающейся опасности. Попыток не было. Ни малейших подозрений, ни у работников железной дороги²⁸⁶ впереди лежащих станций, ни у советского отряда в Дебальцево до самого конца так и не возникло.

В ночь на 28 декабря первый эшелон без помех прибыл на последнюю перед Дебальцево станцию. Оттуда, как до этого и на всём этапе, была передана по телеграфу депеша, с просьбой принять «пассажирский поезд за литерой «3». Ответ, однако, последовал отрицательный. Предписывалось ожидать «особого распоряжения Совдепа». Скорее всего, дело было всего лишь в проволочке. Но Чернецов ждать «распоряжения» не стал. Эшелон проследовал до дебальцевского семафора и здесь остановился. Стоявшие у семафора часовые-красногвардейцы были

²⁸⁶ Антонов-Овсенко так определил причины произошедшего: «Удалось Чернецову совершить эту проделку, благодаря предательству железнодорожников, которые скрыли от нас приближение чернецовских эшелонов и пропустили их под видом обычных, следующих по расписанию «пассажирских 3 и 3 бис». В этом с ним вряд ли можно согласиться. У станционных служащих для сообщения по линии о том, что на станцию прибыл не пассажирский поезд, а военный эшелон, просто не оставалось времени. Едва состав подходил к перрону, из вагонов выскакивал караул и занимал аппаратную. Ни о каком «предательстве» говорить, конечно, не приходится.

мгновенно разоружены. Та же участь постигла и подошедшую смену с разводящим.

Отряд выгрузился из вагонов и, не дожидаясь подхода второго эшелона, построившись повзводно, двинулся в колоннах к Дебальцево. У станции рассыпались в цепь. И лишь тогда были обнаружены. Группа красногвардейцев во главе с Коняевым забаррикадировалась в помещении станции и открыла огонь. Стреляли из окон, втащили на крышу пулемёт и заставили подходившую цепь залечь. Завязалась перестрелка, которая продолжалась минут 15–20. К этому времени «чернецовцы» подтянули орудия, которые произвели два выстрела. Один снаряд угодил в железнодорожное депо. Вторым был сбит пулемёт вместе с пулемётчиком. Цепь поднялась и устремилась к стационарным постройкам. Спротивления никто уже не оказывал. Красногвардейцы, оборонявшиеся на станции, были обезоружены и направлены в эшелон для допроса. Пассажиры, ожидающие посадки на «пассажирский третий», сгрудились в углу залы 3-го класса, не замечая накрывающих их струй из пробитой пулями водопроводной трубы. Гарнизон в большинстве, пользуясь темнотой, рассеялся в степь.

Вслед за первым эшелоном прибыл и второй, «пассажирский третий bis». По указаниям отправленного ранее в Дебальцево «контрразведчика» М.И. Свечникова производились аресты. Антонов-Овсеенко утверждал потом, что на станции было расстреляно 13 красногвардейцев и работников Советского департамента. Потери «чернецовцев» были минимальны. В перестрелке два партизана были убиты (кадет Полковников и воспитанник высшего начального училища Пятибратов) и несколько человек ранены.

В Дебальцево Чернецовым было захвачено 5 пулемётов, вагон с предназначенными для вооружения отрядов Красной гвардии винтовками, значительное количество револьверов, подаренных есаулом партизанам в память о налёте, и различное интендантское имущество.

Но дело было, конечно же, не в материальном ущербе. Моральный был ощутимее и болезненнее в разы. Красногвардей-

цев, ещё в большей степени, строевых солдат охватила паника. Не имея представления о силе и замыслах выходящего на тылы обоих советских группировок противника, занервничали и в Харькове. Вот что писал в связи с этим Антонов-Овсеенко: «Если бы Чернецов вздумал развить свой успех и действуй он в связи с отрядом генерала Балабина у Иловайской или с казачьими полками у Луганска, он мог бы свести на нет весь наш успех в Донбассе²⁸⁷. Но Чернецов, очевидно, не имел этой связи и этих намерений, а может быть, не имел и возможностей (впоследствии выяснилось, что казачьи полки под Луганском были совершенно небоеспособны)...

Налёт Чернецова представился нам в Харькове частью серёзно задуманной операции...²⁸⁸» И в связи с этим Петрову, в который раз, предписывалось для поддержки Саблина форсировать наступление на Миллерово. Саблину же было приказано отвести главные силы в район Родаково-Попасная, куда были направлены для его усиления отряд московских красногвардейцев²⁸⁹ и одна батарея 4-го артдивизиона из Купянска с прикрытием. По мере сосредоточения подкреплений – попытаться вернуть Дебальцево. Вечером 28 декабря Костромской отряд Красной гвардии (до 200 штыков при 3-х пулемётах), вызванный Саблиным из Купянска, занял Дебальцево.

Чернецова на станции уже не было. «Уже 28 декабря, – писал

²⁸⁷ Следует отметить, что Чернецов и так в значительной степени свёл его на нет. Во всяком случае, Сиверс вынужден был оттянуть сохранившие боеспособность отряды на исходные позиции к Никитовке.

²⁸⁸ Налёт на Дебальцево был частной операцией, ни с кем Чернецовым не согласованной. При здравом размышлении становится очевидным, что есаул не мог двинуться дальше на Никитовку или Родаково. Фактор внезапности, главное его оружие, был утрачен. Вяжись Чернецов в серьёзный бой с устойчивой советской частью, его отряд легко мог быть отрезан. Для этого Саблину достаточно было, выдвинувшись от станции Семейкино, занять Колпаково и выставить в сторону Дебальцево крепкий заслон. Лишённый манёвра, Чернецов вынужден был либо прорываться с боем в невыгодных для себя условиях, либо оставить эшелоны и двигаться походным порядком в обход станций по зимней степи.

²⁸⁹ Командир отряда Горбунов заявил, «что отряд выступать не желает». Антонов-Овсеенко вынужден был подтвердить приказ, и потребовал представить пофамильные списки отказывающихся его исполнять.

Антонов-Овсеенко с горькой иронией, – как он приехал, так и уехал к станции Лихой в своих эшелонах...» В это же время Саблин получил сведения, что вслед за Чернецовым двинулись от Лихой казачьи эшелоны и заняли узловую станцию Колпаково.

Как отмечалось ранее, активизировались «калединцы» и в рудничном районе. Сиверс, потерявший два разложившихся пехотных полка, вынужден был отойти к Никитовке и Енакиево, откуда начинал первое наступление, и занять оборону фронтом на юг. Красная гвардия на рудниках была рассеяна.

Казалось, Советы в Донбассе близки к поражению. Однако вступил в силу фактор, и определивший в конечном итоге исход борьбы. В казачьих частях, вполне способных, казалось, удерживать фронт, началось давно ожидаемое окончательное разложение.

Тем не менее, впечатление от Чернецовского налёта и неудач в Рудничном районе было столь велико, что и в этих условиях Советское командование не спешило переходить к активным действиям и рекомендовало своим командирам соблюдать предельную осторожность. Ещё 4 января Саблину ставилась более чем скромная задача: «Дебальцево. Командующему отрядом Саблину. Усиленная разведка небольшими партиями. Не давайте застаиваться частям. Держите тесное соприкосновение с противником, организуйте партизанскую борьбу к Звереву. Поддержите дух рабочих – известия с Дона утешительны и час наш недалёк».

На следующий день отход казачьих частей обнаружила разведка Сиверса. Убедившись в достоверности этих сведений, Антонов-Овсеенко направил Саблину телеграмму следующего содержания:

«Дебальцево. Тов. Саблину.

Из отряда Сиверса получены следующие сведения, что казаки очистили ст. Ясиноватая, Криничная, и постепенно очищают весь район до Иловайской. Я дал предписание Сиверсу осторожно продвигаться вперёд правым плечом и занять очищенные станции, кроме того, приказано занять Авдеевку и Юзово. Поддерживать тесную связь с отрядом Саблина и стоящей в вашем

общем резерве кавдивизии в Бахмуте²⁹⁰. Ведите сильную разведку в сторону Иловайской от Дебальцево, а также к Звереву и Лихой. Усильте занятие Первозвановки и Щеглово, всякий занятый пункт закрепляйте, сторожевое и походное охранение усильте. Сообщайте каждый раз об изменении обстановки прежде чем предпринять решительный шаг. Помните, что не закрепясь вы подвергнетесь удару с левого фланга и со стороны Иловайской. Обеспечьте содействие дивизии в Бахмуте и заручитесь поддержкой её кавалерии. Сохраните твёрдо Дебальцево, Родаково, Хацапетовку²⁹¹ и связь с Сиверсом. Но, прежде всего не торопитесь. Нарком Антонов».

Как видно, Саблину по существу предписывалось оставаться на месте, прикрыть левый фланг Сиверса занятием Хацапетовки и обезопасить свои отряды в Луганске, взяв под контроль Первозвановку. В зоне ответственности Саблина оставались железнодорожные ветки Родаково – Лихая и Дебальцево – Звереву. Обеспечение левого фланга Сиверса и наметившийся успех вынуждали Саблина выделять всё больше сил для движения от Горловки на Иловайское.

В иных условиях подобное распыление не столь уж больших сил неминуемо привело к самым печальным последствиям. Но противостоять советским войскам, кроме офицерских и юнкерских отрядов и оставшихся немногочисленных казачьих команд было уже некому. К тому же противника перед ним в большинстве случаев не было, что способствовало постепенному продвижению.

5 января отряды Саблина, осторожно продвигаясь от Дебальцево, заняли станцию Петровеньки в 20 километрах от Колпаково. К 6 января утвердились на ст. Семейкино, где охранение и отряд красногвардейцев выдержало атаку составленной из офицеров и юнкеров роты²⁹². В тот же день части Саблина

²⁹⁰ Штаб 4-й кавалерийской дивизии с 7 января стал в Бахмуте (с 1924 г. – Артёмовск).

²⁹¹ С 1958 г. Углегорск.

²⁹² По всей видимости, это была разведка боем. Убедившись, что караульная служба у красногвардейцев на этот раз налажена, и застать их врасплох не удастся, «калединцы» отступили.

продвинулись от Хацапетовки до Монахово, отряд Рухимовича занял многострадальный Ясиновский рудник²⁹³, Левинсон – Рассыпную. Здесь вновь начала формироваться рудничная Красная гвардия. Недостатка в желающих присоединиться к советским войскам не было. Саблин запросил для этих целей до 10000 одних только винтовок.

Всего у Саблина, не считая вспомогательных служб, насчитывалось до 2200 штыков при 16 лёгких и 6 тяжёлых орудиях. Кроме того, до 5 тысяч красногвардейцев, вероятно не проявивших особогорвенія выступить на фронт, и Драгунский полк 4-й кавдивизии (300 сабель) стояли на квартирах, в резерве. На 5–6 января отряды Саблина располагались следующим образом: отряд Рухимовича (до 350 штыков) в Янакиевке и Ясиноватой; в Зуевке – две батареи с пулемётным прикрытием; в Чистяковке – 53-й пехотный полк (до 500 штыков); в Черемухино – Гатчинский отряд Левинсона (340 штыков) и отряд Костромской Красной гвардии – на станции Петровеньки.

На запрос о возможности развить наступление в направлении Миллерово – Лихая – Звереве, Саблин 7 января докладывал:

«Из Дебальцево, Харьков. Антонову.

Муравьёву известно, что с казаками Луганской станицы²⁹⁴ заключено перемирие, с обязательством предупреждения о начале боевых действий за двое суток. Это дало мне возможность перебросить все силы в Дебальцево и оказать крупную помощь Сиверсу. Сегодня предъясняю казакам района Луганск – Милле-

²⁹³ 6 января части Сиверса заняли Криничную и этим невольно ограничили дальнейшее продвижение отрядов Саблина на юг.

²⁹⁴ В настоящее время Станично-Луганское. 5 января у Саблина состоялась конференция с представителями казачьих полков 8-й Донской дивизии, штаб которой находился в Звереве. В итоге казаки пообещали соблюдать «нейтралитет». Любопытно, что подобные соглашения расшатывали и советские отряды. Так 7 января к Антонову-Овсенко прибыла делегация 85-го полка с жалобой на то, что «Саблин не позволяет им брататься с казаками». Делегаты «за нарушение революционной дисциплины» были, конечно, Антоновым-Овсенко отчитаны.

рово ультиматум с требованием нейтрализации их артиллерии, и пропуска наших войск через территорию, при гарантии ненападения на нас с тыла через заложников. Через два дня, если пришлёт подкрепление, могу наступать».

Соответствующая телеграмма с требованием поддержать движение Саблина была направлена Петрову. Наступление на Миллерово, однако, не состоялось. Казаки в спину Саблину не ударили, но и на Миллерово от Луганска его отряды не пропустили.

К 10 января, когда факт развала Донского фронта уже не вызывал сомнений, Антонов-Овсеенко издал директиву, в которой приказывал войскам перейти в решительное наступление всеми силами по сходящимся направлениям. Петрову в очередной раз предписывалось активизировать свои действия и двигаться от Чертково на Миллерово. Саблину следовало наступать от Луганска на Миллерово – Звереву – Лихую. Царицынская Красная гвардия должна была поддержать его выдвиганием через Чир также на Лихую. 39-й пехотной дивизии приказано было выделить часть сил для наступления от Тихорецкой на Батайск. Предполагалось при этом, что 5-я Кубанская казачья дивизия своим движением расчистит дорогу Поворино – Царицын, и деморализует два Донских полка, расположенных в этом районе. Сиверсу предписывалось наступать в направлении на Иловайскую. Егорову следовало поддержать Сиверса движением от Мелитополя на Таганрог, но 5 января начались решающие бои на Правобережье Украины, и стало очевидно, что его отряд отвести в Донбасс уже не удастся.

В ночь на 9 января разведка Саблина заняла станции Штеровка и Колпаково. Однако днём после короткой перестрелки, отошла под натиском офицерского отряда на исходные позиции в Петровеньки²⁹⁵. Туда же был отозван из Янакиевки и отряд Рухимовича. Антонов-Овсеенко отмечал, что «Саблин, после урока под Дебальцево, действовал... с чрезмерной осторожностью, ограничиваясь лёгкими стычками, сильно преувеличивая силы

²⁹⁵ О масштабе боёв говорит тот факт, что за всю операцию у Саблина 1 человек был убит и 10 ранено.

врага²⁹⁶». Ничем иным его упорное нежелание сосредоточить все силы на главном направлении и развивать наступление от Петровеньки на Звереве объяснить нельзя²⁹⁷.

Создаётся впечатление, что и командиры его отрядов с большой неохотой выдвигались к Звереве, где вполне могли нарваться на Чернецова. В то же время, в Рудничном районе подобная угроза казалась менее вероятной. В результате, в то время как на Звереве от Дебальцево и на Лихую от Родаково робко продвигалась лишь усиленная разведка, почти половина всех сил «прикрывала левый фланг Сиверса» и в боях участия почти не принимала. По прошествии стольких лет трудно говорить определённо о причинах, заставивших Саблина распределить войска подобным образом. Несомненно одно, он допустил и так и не исправил до конца серьёзную тактическую ошибку, которая на этот раз не осталась без последствий.

11 января Антонов-Овсеенко получил первые сведения о том, что днём ранее в ст. Каменской состоялся съезд фронтового казачества, объявивший о борьбе с Калединым. Несмотря на их неопределённый и противоречивый характер, Главком решил не мешкать и использовать изменение ситуации в свою пользу. В Купянск на совещание, состоявшееся 13 января, были вызваны Петров, Саблин и Сиверс²⁹⁸. Петров и Саблин, каждый в рамках своей компетенции, проинформировали Главкома о съезде в Каменской. Саблин передал для ознакомления телеграмму следующего содержания:

«Луганск. Штаб Красной гвардии. Саблину.

Ввиду вновь создавшегося положения на Дону, когда власть (в) Области взята казачьим фронтовым съездом северного фронта, 27-й полк полагает, что пропуск вооружённых больше-

²⁹⁶ 9 января Саблин докладывал Антонову-Овсеенко, что лишь на участке Колпаково – Звереве против него действует отряд, составленный из офицеров и юнкеров, численностью до 3000 штыков. Вряд ли в Добровольческой армии вместе со всеми партизанскими отрядами набралось бы много больше.

²⁹⁷ Позже отряды Левинсона и Рухимовича были всё же переброшены для действий против Лихой и Зверева.

²⁹⁸ Сиверс, сославшись на занятость, на совещание не прибыл. Воспользовавшись отходом казаков, он медленно продвигался на Иловайскую.

вистских эшелонов сейчас несвоевременен и не может быть допущен; так как только увеличит суматоху на Дону и внесёт разлад в семью трудового казачества. Полк надеется, что трудовое казачество сумеет разрешить все наболевшие вопросы и поступить так, как следует, с тем пришлым элементом, который внёс рознь в его семью. Ваша помощь, поэтому пока не является необходимой. Председатель полкового комитета Решетов».

Ситуация ещё более запутывалась. Выходило, что, по крайней мере, часть казаков, выступая против Каледина, вовсе не желает воспользоваться «помощью» советских войск. Оставалось совершенно непонятным, в какой мере съезд в Каменской лоялен по отношению к Советской власти, в какой степени связан с Воронежскими большевиками, какими силами располагает, какова линия по отношению к нему Совнаркома, и главное, что следует от него ожидать в чисто военном плане. Исходя из этого, Антонов-Овсеенко предостерёг Саблина и Петрова от возможной переоценки ими Каменских событий. Предложил относиться к Каменскому ревкому и его заявлениям с большой осторожностью, и как можно меньше на них полагаться. В то же время, действовать тактично, учитывая «определённое недовольство со стороны казаков нашим вторжением на Дон».

О своём видении ситуации и отношении к казачьему съезду Антонов-Овсеенко высказывался с присущей ему откровенностью: «...фактом громадного значения являлось создание органа Гражданской войны в недрах косного казачества. И представлялось чрезвычайно важным поддержать авторитет и власть казачьего Ревкома, сохранить в глазах казачества его самостоятельность и, вместе с тем, добиваться от Ревкома *самоопределения в сторону Советской власти*, усиления разрыва с Калединым, – содействовать тому, чтобы логика положения завела ревком *невозвратно на путь борьбы*».

Калединщина должна быть удушена руками самих казаков. На совещании в Купянске мы договорились держаться в отношении ревкома именно этой тактики²⁹⁹. Вступить немедленно

²⁹⁹ Антонов-Овсеенко мог не беспокоиться. Работа по «самоопределению съезда в сторону Советской власти» уже велась в Каменской людьми, в таких делах куда более подкованными.

в официальные сношения с казачьим ревкомом, добиваться от него определения своей политической физиономии и поддержать его в борьбе с Калединым».

В связи с очередным изменением обстановки Антонов-Овсеенко предложил Саблину передать часть сил, действующих в Рудничном районе, в подчинение Сиверсу. Понятным было его стремление форсировать наступление на Таганрог – Ростов, против чего каменские казаки не возражали определённо. Продвижение же на Лихую и Звереву, занятые войсками Донревкома 11 января, не говоря уже о Миллерово, ставилось теперь под большое сомнение.

Саблин начал уже было передавать Сиверсу под Иловайскую новые отряды. Вместе с тем, он не преминул воспользоваться ситуацией и занял незначительными силами прилегающие к Звереву и Лихой станции. И тут, в который уже раз, всё перевернулось с ног на голову. 16 января Саблин сообщал Антонову-Овсеенко из Дебальцево:

«Обстановка внезапно изменилась. После неудачных попыток вступить в переговоры с Военно-Революционным Комитетом Донской области, Каледин двинул на Звереву 600 юнкеров и офицеров и занял его³⁰⁰. Рухимович находится в 20 верстах от Зверева. Считаю необходимым временно прекратить переброску сил в Таганрог и завтра же ликвидировать Звереву двойным ударом, – от Дебальцево и Лихой и заменить на участке Лихая – Новочеркасск бессменных революционных казаков своими силами. Нельзя допустить увлечения наступлением на юг, раз возможен прорыв через Звереву себе в тыл. До сего времени на Иловайское отправилась мортирная батарея и Ярославский отряд. Харьковскую батарею и костромичей успел задержать у себя в Дебальцево. Прошу высказать ваше мнение по этому вопросу. Если мы сейчас разобьём юнкеров, помогая ВРК, то этим заставим его признать наше право на пребывание внутри области войска Донского».

Следует признать, Саблин мыслил и в обстановке разо-

³⁰⁰ Это был отряд двинувшегося в свой последний поход Чернецова. Было у него никак не больше 300 человек.

брался весьма здраво. Занятие войсками Донревкома Зверев и Лихой закрывало для его отрядов выход на стратегическую магистраль Чертково – Ростов вернее любого «калединского» заслона. Сама его группировка, запёртая на ставших вдруг бесполезными ветках, теряла всякий смысл существования. Взятие же узловых станций «офицерским отрядом» разом всё меняло и возвращало перспективу. Теперь Саблин *имел очевидное право* вступить в бой против общего врага. То, что в процессе «оказания помощи Донревкому» его отряды займут участок магистрали, чего поначалу так не хотели допустить в Каменской, подразумевалось само собой разумеющимся. Выход же на магистраль означал автоматически и возможность выдвигания по ней к Александровску-Грушевску и далее к Новочеркаску и Ростову. Операция представлялась уже в принципе выигранной и почти законченной. И все понимали, на неизбежном торге с Донревкомом многое, если не всё, будет зависеть от того, чьи гарнизоны станут в итоге в городах Области.

Осознав и оценив всё это, Саблин действовал энергично и целеустремлённо. Вот только отряды свои, разбросанные тут и там, он так и не смог сконцентрировать в мощный кулак. Нельзя, конечно, исключить и того, что Советское командование, и Саблин, в том числе, считали оставшиеся силы противника ничтожными, а налёт на узловые станции едва ли не случайным. Впрочем, думается, открывающиеся перспективы были столь заманчивы, что Саблин двинулся бы *на любого* противника.

Понимал всё это и Антонов-Овсеенко. Он тут же приостановил передачу частей Сиверсу и приказал Саблину начать решительное наступление в поддержку Донревкома. 17 января Саблин занял Замчалово, 18 января, после боя с оставленной заслоном офицерской ротой, взял с боя станцию Лихую. Разведка из отряда Рухимовича заняла было Звереву, но, ввиду малочисленности, закрепляться не стала и отошла к главным силам.

К Лихой Саблину удалось стянуть всё, что нашлось под рукой, 3-й Московский отряд Красной гвардии (до 500 штыков) и части 85-го полка с артиллерией. Как вскоре выяснилось, этого оказалось слишком мало.